

Нечто изнутри, как голос стороннего человека, держало старика в состоянии напряженного укора. Не то чтобы Пал Палыч не обратил внимания, а просто-таки не придавал значения какой-то необычности в поведении Анисы. Была тому своя причина. Он только что поссорился с начальством из-за шедов, приехавших на помощь из города. Голова бригадира была в тот час занята не Анисой, а так называемыми помощниками, в которых он за версту узрел шабашников.

Из коровника распахнулся вид на Сиреневый лог, который тесно обступили помещения из бетонных блоков. Старик с уклончивой добротой отмечал, что все глубже отступают зеленые заросли в радостном кипении сиреневых цветов. Лог доживал свой век, загрохался стоками фермы. Бригадир понимал эту неизбежную необходимость — будущее за производством. Правда, стадо за последние годы изрядно поубавилось, некоторые помещения опустели. Все-таки он старался содержать в хозяйском виде ферму, категорически отказываясь от шефской помощи, ссылаясь на то, что свои деревенские ходят «безработно», а деньгами начальству шиковать не следует.

На подоконнике в конторке внимание Пал-

на неприбранное рукоделие, словно брал зачин к разговору. Ответно младшая ошпарил загадочной веселостью глубоких глаз.

— Ах, родной! — порывисто воскликнула молодая женщина и страстно поцеловала Палыча в дряблую, морщинистую щеку...

Смысл этого порыва он уяснил назавтра, когда Аниса появилась перед фермой с высоким, красивым мужчиной, заманчиво таинственным. Идет она над Сиреневым логом по тропинке в модельных туфлях, ростом ничуть не уступающая спутнику. Гибкое ее тело балансирует, сохраняя равновесие над крутым яром лог. Волосы Анисы, длинные, рыжие по моде, мешают ей, когда она наклоняется. А у того — закуржавленность в волосах. Так просто, открыто при всех, на глазах бригады, он взял в ладони ее голову. Чувствовалось — им было хорошо. Знать, нечто общее связывало их.

Пал Палыч глядит на парочку с привычного места у окна и слышит в себе беспокойные толчки крови — в висках, в загрохнутой тесноте, где засела тупая боль.

Цвет сирени то переходит в белый, венчалный, то отливает под солнцем облачно, дрожит маревом, словно перемешивается с синью занебесья.

— На поглядку приволокла хахалю, — по-

Иван ЕФАНОВ

СИРЕНЕВЫЙ ЛОГ

Рассказ

Палыча привлекло сомкнутое рукоделие, в час дежурства занимался которым кто-то из работниц. «Да это Аниса, — обрадовался он. — Ишь, ковришница!» Развернутое полотно зрелищно пробило солнечным теплом красок, будто пахло буйным ароматом с заглохшей тропы у лог. А ведь сам одарил Анису в память покойной жены цветным гарусом. Быстрым взором нашел в ткани те нитки, переплетенные замысловатым узором. Ах, искусница!

Что-то творилось с Анисой, волнующее и возвышающее. Ведь человек в работе, как птица в полете. Она, этакий середнячок, в темпе обошла по надоям опытных работниц. Он перегружал ее дополнительной работой, вменив в обязанность поездки в город с продажей молока. Пренебрегая невзгодами бытия, ходила такая с виду счастливая, словно вся степь сомкнулась синюющим кольцом вокруг ее цветущей жизни — румяная, щекастая, с неизменным пламенем в больших черных глазах. С чего бы это?

В подчинении бригадира большей частью были женщины, но и с мужиками он властно ладил, ослушников здесь не уважали. Непрекословие утвердилось на ферме не из-за настыльности старика — от душевности, которая, как ни странно, тоже была неотъемлемым качеством его характера. В резиновых сапогах, в спецовочном халате, с вечными хлопотами, тяжело по-бабьи он ходил в коровниках, умел невзначай заглянуть в глаза каждому, проникая в подспудную глубину чужой сущности. Знал Пал Палыч: просто так ничего не бывает.

Назревала необходимость откровенного разговора. Он открыл дверь рабочего помещения, требовательно окликнул:

— Аниса!

Минутно стих суетный перезвон подойников. Привычно вдарило в нос запахом парного молока, сырным теплым духом, настоящим на первозданной смеси навоза и терпкого пота животных. Общий настой дополнялся сладковато-кислым привкусом силоса. В здании ровно, натужно гудели электромоторы.

— Аня! — подхватил кто-то эхом между рядами стойла.

— Ну, нарасхват пошла влюбленная... — в сварливой недружелюбности высказалась доярка Зоя, носившая уличную кличку «Кобра». — А че, дядь Паша, Аниску требовал?

Знал пожилой человек скрытую тягу людей высказаться, как в добром деле, так и при неурядице. Случалось, доярки рассказывали о сердечных делах и привязанностях. Он внимательно слушал, тепло чужих чувств давало отдых.

— Аниса нынче на воздухах, — в прежнем тоне вторила неумная Зойка-Кобра.

Бригадир повернулся к ругательнице спиной и, большой, нескладный, скрылся в конторке.

Вывралась Аниса с ярким воротничком платья поверх рабочего халата, засверкала полными коленями, отливающими капроновым лоском. Сухо, несущественно старший указал

обыкновенно злословила Зойка. Аниса не слышит громких слов недоброжелательницы.

Да, да, она пришла вместе с ним. Он ей нравится. Не встречала Аниса красивее человека. Конечно, есть лучше, но не для нее. А сейчас они постоют над сиреневыми зарослями. Там, внизу, в полумраке, трава еще не растет, земля обнажена, но влажна и пахнет. Рядом со старыми, безлистными, кривыми стволами тянутся молодые побеги — гибкие, стройные прутики, насквозь пропитанные живыми соками.

Смотрите, хорошие люди, завидуйте. Брагадные люди улыбаются со смущением, но без осуждения. Бригадиру надо поговорить с Анисой на полном серьезе. Работниц с пониманием оставляют Пал Палыча на собеседование с дояркой.

— Ах, дядь Паш, дядь Паш! Рыба ищет, где глубже, а Аниса — не обсевок в поле. Дугие-прочие — за мужьями, на одиночку с бенком смотрят свысока. Обидно! Зойка — и та туда же: Аниса такая-сякая... Одна личничная клетка в двухэтажке. Нагляделась на жизнь «Гюрзы-Кобры». Аванс, выходной, баня — пьянь, квартира вверх дном, табуретки — в дверь. Милуются. Ну, каждому свое...

Нет, сиреневый по красному полю ковер еще не закончен. Не для собственной свадьбы — сын вырастет, невестке пойдет. Скажано скороговоркой, шуточно. Не очень складный разговор получился.

Что можно посоветовать ей? Жених — заезжий шабашник. Но это не самый убедительный довод. Красивый, видный. И так захотелось отыскать в нем некий изъян, пусть самый малюсенький. Да как же сразу, сходу? Побольше бы узнать, отвести бабу от вероятной беды-напасти. А тупая боль в груди росла, не давая покоя.

... Катилось повседневное время. Представлялось, текущий час совершенно сплыв, а настоящая жизнь наступит по пресловутой обыденности. Житье-бытье, заполнен-

ное думами, работой, редко балует человека свершением дел. Между тем Палыч ремонтировал силами бригады бетонные здания фермы и был рад каждому листу кровельного железа и каждому пуду извести.

Сирень сбросила цветы, распустив мощную листву кроны. Ночами в ветвях трещал коростель, подымаясь до соловьиных нот, заходил в бредовом забвении.

Как жалел теперь Пал Палыч, что вовремя не приметил: у сожителя Анисы нет доброй улыбки — он щерится, а зубы сидят вразнобой. Теперь-то ясно, что этот человек тянется к добру... главным образом к чужому.

Однажды бригадир, когда над Сиреневым логом выпали крупные студёные звезды, услышал скорбную песню, доносившуюся с завалинки у базы. Он задохнулся от неожиданности и, не умерив одышки, не по-стариковски бросился к певиче. Это была, он знал, Аниса. Доярка тянула-выпевала речитативом: дремучие леса-думы мои, высокие горы-горе мое, быстрые реки-слезы мои... Глаза певички были полны слез. Древняя песня — память о первом муже. Где же их отыщешь, таких хороших? Прогнала она хахалю. Свернул он рулоном сиреневый коврик и отправился к друзьям, алкаш. Отобрала — и дверь захлопнула. Корил старый себя за ненаходчивость. Ведь загодя видел, что у шабашника на лбу было написано. Припомнилось, как на работу нанимался тот «шеф». Все выпендривался, все выкаблучивался. Дескать, настоящие мужчины умеют любить всяких женщин подряд — и брюнеток, и блондинок.

Будто бы итога короткую любовь доярки, вскоре приспела ранняя осень с зазимками. Выпавший снег быстро таял и снова выпадал обильно. Резкая зелень сиреневых кустов, вопреки холодной белизне осадков, наводила на мысль о неистребимости жизни.

Как бы ни было тяжело, планировал бригадир, надо за штакетником разбить сиреневую аллею.

Александр ПАВЛОВ

Блудники

Ни ветрил, ни лодчонки, ни невода
в нашей взбалмошной жизни с тобой...
Нахлебались по самое некуда,
ожидая Совет да Любовь.

Размечтались, как малые дети,
позабыли душой костяной,
что Совет-то у нас — в горсовете,
а Любовь — за церковной стеной.

Ничего-то не видно хорошего,
каждый день, словно крепом обвит...
Потому-то и жизнь запорошена
стылой заметью ссор и обид.

...
Было время — живал
при больших барышах,
осетринку жевал,
а теперь — ни шиша.

Потемнело в глазах,
посветлело в душе,
откатило назад —
не подняться уже.

Божья длань тяжела,
но под ней наобум
расцвели кружева
удивительных дум.

Нет и мысли такой,
что попал в оборот.
На нежданный покой
звялю немотный рот.

Намолчись, настыдись
и накайся, балбес.
С барышами-де — жизнь...
Ну а ежели — без?

...
Не в чем корочку смачивать,
ни слезинки, ни моря.
Одиночество смачивать —
заржавеешь от горя.

До чего же сподобило
окунуться в усталость...
А всего-то колдобина
по дороге попалась.

Скучно, брат, неприкаянно,
и постыло, и нemo:
сам же вырастил Каина
без оглядки на небо.

Цепеней и покуривай
среди тьмы и тумана,
псом побитым поскуливай
и зализывай рану.

Видит Бог, не последняя —
мета ласковой плетью
рокового посредника
между жизнью и смертью.

...
Новинка в стиле ретро:
совсем как тот кержак,
купил подбитый ветром
соломенный пиджак.

...
Мне ли сегодня стыдиться
нашей шальной маеты?
Мокрый воды не боится,
как не боишься и ты.

Вот и воркуем, слепые,
прямо на шумном тракту,
только денечки скулые
знают про ту маету.

Время летит или встало...
Грешны тела и уста.
Ты от меня не устала,
я от тебя не устал.

Ну а потом — хоть топиться,
если судьба разведет...
Мокрый воды не боится,
дважды никто не умрет.